

вался мелким земледельцам и скотоводам, из которых состояло креольское население района. Женщины у креолов были свои, так как они давно поселились в этих местах, а не приехали временно на заработки, как, например, сборщики каучука в годы каучукового бума в Бразилии. Теперь эти благоприятные для сохранения панаре условия постепенно уходят в прошлое. С переселением панаре на равнину, с одной стороны, и экономическим освоением района крупным капиталом и государством — с другой (развитием крупного скотоводства, открытием и предстоящим освоением залежей бокситов на юге территории панаре и т. д.), возникла и стала нарастать конкуренция за землю (с. 210). Увеличение товарного производства среди панаре стало разрушать общину. Молодежь не всегда уже соблюдает теперь и скреплявшие социальную и этническую общность панаре брачные обычаи, хотя межэтнических браков по-прежнему нет, а внебрачные связи креолов и панаре очень редки. Угроза будущему панаре нарастает. Сохраниться в качестве этнического меньшинства они, по мнению П. Хенлея, смогут только в том случае, если законодательным путем им будут обеспечены необходимые материальные ресурсы, прежде всего земля, но пока на это можно только надеяться. Этими словами заканчивается рецензируемая книга. Мы коснулись только нескольких, наиболее общих из рассматриваемых в ней тем. В монографии П. Хенлея много нового и по более частным вопросам этнографии панаре. Думается, что книга будет полезна не только американистам, но и специалистам в области межэтнических отношений и историкам первобытного общества.

Л. А. Файнберг

In Honour of Eyak. The Art of Anna Nelson Harry/Ed. Krauss Michael E. Fairbanks: University of Alaska, 1982. 157 p., ill.

Книги, на обложке которых стоят слова *in honour* (с английского это переводится как «в честь» или «в память»), обычно посвящаются выдающимся ученым, положившим начало новым направлениям в науке. В данном же случае книга посвящена памяти народа, исчезнувшего в последние годы буквально на наших глазах. И памяти последней его представительницы — Анны Нельсон Гарри, сумевшей, несмотря на свою скромную роль этнографического и фольклорного информанта, донести до мира язык и культуру своих соплеменников, индейцев ияк, обитавших на южном побережье Аляски.

Ияки всегда были настолько немногочисленны, что долгое время их существование оставалось просто незамеченным. Во времена Русской Америки их стали называть угалемютами, или угаленцами, воспользовавшись для этого эскимосско-чугачским словом *уналагминют*, что значит «восточные». После продажи Аляски о них снова забыли и заново «открыли» только в 1930 г., во время знаменитой экспедиции К. Биркет-Смита и Ф. де Лагуны к якутским тлинкитам. С тех пор они известны в этнографической литературе под своим нынешним названием (оно восходит к эскимосскому наименованию бывшего индейского поселка Ияк), которое стало также и самоназванием на заключительном этапе их этнического существования.

Казалось бы, незначительное племя, более или менее естественно угасшее в эпоху стремительного вхождения Аляски в XX в., — что может в нем быть особенно интересного? Ответ на такой довольно обычный в устах «широкого читателя» вопрос содержится в книге, которую собрал, отредактировал, снабдил обширным комментарием и предисловием, практически, можно сказать, написал Майкл Краусс, лингвист, этнограф, фольклорист, многие годы возглавляющий Центр по изучению туземных языков Аляски при Аляскинском университете в Фэрбенксе. Он же был и последним исследователем иякского наследия.

По существу книга представляет собой публикацию иякских фольклорных текстов, наговоренных и напетых Анной Нельсон Гарри. Издание это имеет большое значение для лингвистов и фольклористов. Прекрасно дополняются напечатанные тексты двумя приданными книге магнитофонными кассетами с записью живого голоса пожилой индианки. Впервые, насколько мне известно, читатель может, знакомясь с экзотическим языком по такого рода публикации, услышать и сами звуки в их неповторимом звучании.

Для этнографа же не менее (если не более), чем сами тексты, интересен раздел, скромно названный автором «Введение». Начинается он следующими словами: «Анна Нельсон Гарри была самой последней из целого народа — ияков. Кончина ее преисполнена значения для всего человечества. Ее долгая тяжелая жизнь совпала с трагической заключительной главой живой истории ее народа... Дух ее языка и ее народа живет в ее творчестве. Ияки никогда не насчитывали более пятисот человек. Но если мы остановимся и прислушаемся, то увидим, что искусство Анны учит нас тому, что дух ияков был столь же могуч, как у любого другого народа, и что мы можем многому научиться, внимая мудрости даже самого маленького и беспомощного из племен» (с. 11).

После этого программного вступления М. Краусс переходит к изложению истории ияков. С момента их первого контакта с русскими в начале XIX в. они жили на небольшой полосе побережья залива Аляска от Кордовы до Якутата. Центром их территории было устье р. Коппер. В древности, как можно полагать, предки ияков обитали в глубинных районах Аляски. Уже в конце XVIII в. их начали с юга-востока оттеснять тлинкиты, так что им пришлось продвигаться на земли, ранее населенные чугачами, возле современного поселка Кордова. Значительная часть ияков уже к концу XIX в. была ассимилирована тлинкитами. Заключительная глава их истории началась в 1889 г., когда на землях ияков была основана рыбоконсервная фабрика. Около полутора сот человек,

американцев и китайцев, стали съезжаться каждое лето на лов лососевых в эти до недавнего времени заброшенные места. Их единственным населением были 400 ияков, жившие в трех небольших селениях. Хищническая добыча рыбы вскоре подорвала основы хозяйства индейцев, они вынуждены были переселиться на окраины возникшего в начале XX в. города Кордова, где и образовали типичный «туземный пригород» со всеми характерными для него чертами: алкоголизмом, болезнями, насилием, утерей традиции. К началу века ияков оставалось всего около 60 человек и число их продолжало сокращаться.

Традиционная культура ияков обладала чертами, сближавшими ее как с тлинкитской, так и с континентально-атапаской культурами. Самым же интересным для ученых оказался язык ияк. Он более всего близок к атапаским языкам, но не входит в атапасскую семью, представители которой живут на огромном пространстве от Аляски до прерий на юге Соединенных Штатов. Если распад протоатапасской общности принято датировать сейчас примерно концом I тысячелетия до н. э., то общий язык-предок для атапаских, с одной стороны, и ияк — с другой, можно датировать периодом не позже II тысячелетия до н. э. Связи всех этих языков, включая ияк, с тлинкитским еще более отдаленные, хотя включение всего этого лингвистического региона в макросемью наделен на сегодняшний день представляется оправданным. Естественно, что такое изолированное положение языка ияк предопределяет его необычайную важность для компаративистских и соответственно историко-этнографических изысканий.

Все, что известно об иякской словесности, исходит, в сущности, от одной информантки, уже упоминавшейся А. Нельсон Гарри, которая является и героиней, и автором рецензируемой книги. В течение почти полувека она терпеливо передавала свои уникальные знания разным исследователям, последним в длинной череде которых был М. Краусс, поставивший себе целью сохранить все, что можно, об уходящем народе. По его словам, Анна «не только прекрасно говорила на языке ияк, но была творческим носителем этого языка, настоящим художником, жившим в языке» (с. 19). Из нескольких сот страниц иякских текстов, имеющихся на сегодняшний день в распоряжении лингвистов, около $\frac{4}{5}$ записано от нее. Сохранились и семичасовые магнитофонные записи ее сказок, рассказов, песен, речитативов, плачей.

В книге приведено 11 текстов, публикация которых удовлетворяет всем требованиям академических изданий. Каждый текст приведен в оригинале в разработанной М. Крауссом транскрипции, в дословном переводе на английский и в форме беллетризованного пересказа на английский. Тексты обильно снабжены лингвистическими и фольклористическими комментариями и сгруппированы в несколько тематических рубрик; каждой из которых предпослано небольшое вступление с характеристикой данного круга сюжетов.

Сами сюжеты, насколько можно судить, вполне вписываются в берингоморский сказочный ареал. Мы находим здесь, например: сказку об озерных карликах, охотящихся на мышей как на крупную дичь, — мотив, широко распространенный у эскимосов; бродячий сюжет о доброй и трудолюбивой, злой и ленивой сестрах; миф о слепом и гагаре, чрезвычайно напоминающий известный эскимосский цикл лунных мифов о Танкике; весьма характерный для атапасков мифологический текст о вороне и его жене; три интереснейших сказки о браке между человеком и животным, в данном случае осьминогом, евражкой и волком. В каждое из этих повествований Анна, как незаурядный художник, вносила свое неповторимое мировоззренческое, философское осмысление. Краусс вполне в соответствии с замыслом рассказчицы останавливает внимание читателя на этом личностном оттенке ее текстов. Создается впечатление, что мы присутствуем при самой жизни фольклорного произведения, при его обогащении и трансформации. Это ощущение усиливается благодаря тому, что в конце каждого раздела приводятся версии тех же сюжетов, рассказанных Анной в молодости. Сюжет тот же, но насколько различна его подача, его понимание, его интерпретация!

Книга заканчивается этногенетическим преданием о переселении ияков из внутренних районов материка на берег и, наконец, удивительным произведением — плачем об умершем народе ияков.

«Одна, одна я хожу по берегу во время отлива. Я рыдаю. Я сижу на камне. А ияки, ияки — они все умерли... Незачем приходить сюда. Братья моих отцов умерли все и сестры моих отцов упали, чтобы умереть. Почему я одна, только я одна выжила? Я выжила».

Книга издана красиво и изящно. Подборка фотографий рассказывает о жизни А. Нельсон Гарри с 1930 г. до последних дней. Две гравюры прошлого века, одна из которых вынесена на обложку, дают представление о природе иякской земли. В начале книги публикуются три стихотворения, посвященных иякам. Одно из них написано Ф. де Лагуной, два других — Ричардом Дауэнхауэром.

Книга М. Краусса необычна. Она сочетает в себе качества академического издания с поэмой-реквиемом. Эти, казалось бы, несовместимые жанры, соединившись воедино, создали памятник большого гуманистического звучания. Читатель, закрывающий последнюю страницу, безусловно, поймет, что смерть маленькой скромной женщины в небольшом аляскинском городке Якутат — огромная потеря не только для ее близких, не только для индейцев, жителей Аляски или даже народа Соединенных Штатов. Это огромная потеря для всех нас, жителей Земли.

М. А. Членов